

18+

МИХАИЛ ГРОМОВ

ДЕБИЛИДА

Михаил Громов

**Дебилиада. Мифологический
боевик о героях древности**

«Издательские решения»

Громов М. М.

Дебилиада. Мифологический боевик о героях древности /
М. М. Громов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-609968-5

Это произведение является сатирическим ремейком известной эпической поэмы древности. Нас по-прежнему влекут приключения и подвиги античных героев.

ISBN 978-5-00-609968-5

© Громов М. М.
© Издательские решения

Содержание

Пролог. Явление героя	7
В тени афинского платана	8
Спарта	11
Парис – заезжий гость из Трои	13
Красотка Власть – жена царёва	15
Побег из Спарты	18
Где раньше пили на троих	20
Плоды безумного везенья	22
На царстве	26
Зигзаги пагубной любви	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Дебилиада Мифологический боевик о героях древности

Михаил Михайлович Громов

*Весь мир большой и многоликий
Ещё не знал царей таких:
Он и дурак, и Карл Великий
В одном флаконе на двоих.*

© Михаил Михайлович Громов, 2023

ISBN 978-5-0060-9968-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Явление героя

(исполняет античный хор в праздничных одеждах)

**Три буквы ВВП. Мистических три знака,
Три символа далёкой старины,
Внезапно появились из мрака
Перед толпой, стоявшей у стены.**

**А мудрая сова сидела на стене,
Глазами круглыми задумчиво моргала
И про таинственные буквы ВВП
Внизу стоявшим людям объясняла.**

**«Великий Властелин Парис —
Вот что три эти буквы означают», —
И на толпу взглянула сверху вниз,
Чтобы узнать, как люди понимают.**

**Но было ясно и понятно всё толпе,
Как ВВП сова расшифровала,
И вся толпа с восторгом закричала:
«Будь вечно славен наш Великий ВВП!»**

В тени афинского платана

В центре Афин в тени платана
Стояло множество людей,
Они все ждали ветерана
Войны давно минувших дней.

Троянской ту войну назвали
В давно забытые года.
За Трою греки воевали.
Война жестокой та была

И принесла немало бед,
И разорение, и зло,
И много греков полегло,
Жизни отдав во цвете лет.

Кто выжил, тот потом от ран
И от прожитых лет скончался,
И только старый ветеран
Пока что смерти не сдавался.

Греков собрали под платаном
И от работы оторвали,
Чтоб пообщались с ветераном,
Вопросы о войне задали.

Чем она стала для народа
И кто войну ту развязал,
Зачем по воле сумасброда
Народ в сраженьях погибал.

Герой лицом в грязь не ударил
И смог подробно рассказать,
Кто воевать страну заставил,
Терпеть лишения и страдать.

«Войной обязаны мы Аду,
Когда по воле тёмных сил
Один воинственный дебил
Греков вовлёл в дебилиаду.

Мир поразила та война
И всех людей, кто выжил в ней,
Масштабом выпавшего зла
И тем, как жалок был злодей.

Мужчинка толстенький, безликий,
Росточком мал, косил глазами,
С сопливым носом в виде фиги,
Под ней губа торчит с усами.
Но время шло, и мир очнулся,
Народ Эллады как проснулся,
Расправил плечи, осмелел,
Для мести праведной созрел,

Союз свободных городов
Пошёл войною на врагов.
Троянский грозный царь Парис
Вдруг как-то сник, затих, закис.

Троянцы из лихих героев
Вдруг превратились в изгоев,
В конце концов они дожили,
Что их столицу захватили.

Ведь Аполлон сам говорил,
И ему вторила Афина,
Что в Трое царствует дебил,
Короновали там кретина.

Я сам мужал ведь на войне,
Под Троей много лет сражался,
И тяжкий жребий выпал мне:
В плену троянском оказался.
Но Трою всё же победили,
Урок так греки дали грекам.
Ну а меня освободили,
Стал вновь свободным человеком.

Сейчас никем я не гоним
И хоть я стар, глуп и контужен,
Но я афинский гражданин,
И я Афинам очень нужен.

Я как живой патриотизм,
Пример ходячий для народа,
Урок того, что лишь свобода
Рождает в людях героизм.

Сам я давно уж на покое,
Но прошлым очень дорожу,
И орден «За осаду Трои»
Я на груди всегда ношу.

Сумел я много испытать,

Мне нелегко в войну пришлось,
Но если честно вам сказать,
То всё ведь в Спарте началось».

Спарта

Кто мир античный изучал,
То, может, где-то и читал,
Что был у греков чудный край,
Напоминавший чем-то Рай.

Но был тот Рай весьма суровый,
Он звался Спартой, и там жил
Народ, к лишениям готовый,
Он войны с битвами любил.

Если приказ – то сразу в бой,
Спартанцы шли вперёд стеной,
Но, возвратившись с войны,
Были в быту весьма скромны

И без излишеств в Спарте жили.
Себя к лишениям приучали,
Всегда диеты соблюдали
И толстых очень не любили.

Если пошёл спартанец в тело
И лишний вес слегка набрал,
Его секли за это дело
И гнали палками в спортзал,

Чтобы, набравшись там терпенья,
Свой лишний вес толстяк гнал прочь,
Махал мечом до одуренья
И приседал и день и ночь.

Но в Спарте спорт и так любили,
В футбол играли и в лапту,
В походы дальние ходили,
Любили теннис и борьбу,

Бежали кроссы по горам,
Три дня по морю плыть могли,
Спасибо греческим богам,
Они спартанцев берегли.

Но что спартанцы презирали,
Так это разные науки.
Читая книжки, засыпали,
Бывало, вешались со скуки

Роптали громко: «Два на два,
Так сложно в Спарте не считают,
Для Спарты главное – война,
Её за храбрость уважают!
Спартанец воином рождён,
Спартанец книжек не читает,
Это в Афинах проживает
Известный всем мудрец Платон

И счетовод их Пифагор,
Вот он умножит два на два,
А для живущих среди гор
Наука – блажь и ерунда».

Хотя про Спарту надо знать —
Её Эллада уважала,
Умела Спарта воевать
И кодекс чести соблюдала.

Парис – заезжий гость из Трои

Шумела целый месяц Спарта,
Женили в Спарте той царя,
В пылу питейного азарта
С утра гуляли до утра.

В быту спартанцы хоть держались,
Немного ели, мало пили,
Но здесь, на свадьбе, расслаблялись,
Свои желудки не щадили.

Гудел всюду банкетный зал,
Спиртного выпили уж тонну,
Кто-то давно под стол упал,
Кто-то стоял, обняв колонну.

А в зале весело плясали
И веселились все подряд,
Спартанцы женщин приглашали,
Даже не сняв железных лат,

Пары танцующих кружили,
И от души все развлекались,
Мужчин мечи по ляжкам били,
У женщин шали развевались.

Рок-группу, что для всех играла,
В самих Афинах отыскали,
Она то вальсы выдавала,
А то вприсядку все плясали.

Царя женили Менелая,
Что был владыкой Спарты всей,
Его со свадьбой поздравляя,
Звучали тосты от царей,
Что собрались со всей Эллады
Всем показать хороший тон,
И что поздравить они рады
Того, кто в Спарте занял трон.

Цари, бывало, и сражались,
Когда случалась война,
Но если праздновать съезжались,
То пили много и до дна.

Но выделялся видом пьяным

Среди умевших пить царей
Один мужчинка, он стаканом
Своим хвалился средь гостей.

По виду глупый истукан,
Плешив, соплив и кривобок,
Привёз он в Спарту свой стакан,
Ещё с закуской вещмешок.

Ему отец стакан тот дал,
Чтобы отравы избежать,
И очень строго наказал
Стакан из рук не выпускать.
Парисом звали мужичка.
Если отвлечься от стакана,
Он был приёмный сын царя,
Царя троянского Приама.

Сам царь Приам едва ходил,
Но своей Троей ещё правил
И Менелая в Спарте чтил,
Вот и сынка к нему направил

Поздравить и дары вручить,
Потом недельку погостить,
Пожить среди лихих героев,
Только без драк и без запоев.

Парис хоть с виду был debil,
Но царские имел повадки,
В парче и в бархате ходил,
На пальцах перстни и печатки,

Кольцо из золота в носу,
Протез из платины во рту
И плащ, расшитый вензелями,
Девками голыми с чертями.

Красотка Власть – жена царёва

Но кто невеста Менелая?
Откуда к ней такая страсть?
Быть может, баба золотая?
Но проще всё: её звать Власть!

Она вошла. Встречайте, люди!
Власть – это девка хоть куда,
Огромный зад, литые груди,
До пяток рыжая коса,

Во рту две фиксы золотые,
Смеётся, будто лошадь ржёт,
И силой руки налитые —
В бараний рог и лом согнёт.

Власть до упаду танцевала,
Всё мужа к танцам приглашала,
Муж хорохорился, крепился,
В конце концов он с ног свалился.

Людей он вспомнил назиданье,
Известных мудростью своей,
Что в жизни властью испытанье
Всех испытаний тяжелей.

Царя забрали в лазарет
И там на отдых положили,
В том лазарете много лет
Спартанцев раненых лечили.

А Власти стало вдруг обидно,
Она хотела танцевать,
Но вот по мужу было видно,
Что ему надо полежать

Довольно долго в лазарете.
Вздохнула Власть: «А где на свете
Такой отыщется герой,
Чтоб год плясал как заводной?»

Она зал взглядом обвела
И то, что надо ей, нашла:
Стоял в толпе мужчинка знатный,
По виду глупый, но нарядный.

Хоть ростом был он не гигант,
Но есть у карликов талант,
О нём давно Власть знала, кстати:
Кто ростом мал – гигант в кровати,
И эти с виду малыши
В постели очень хороши,
Изобретательны до жути,
Прямо секс-роботы, не люди.

Власть томно, нежно завздыхала,
На миг доступной с виду стала,
Взгляд страстный скромно потупила,
Париса пальцем поманила,

И пара в танцах закружилась.
Они пять дней так танцевали,
Ни разу даже не упали,
Ну и в конце концов влюбились.

Друг друга жарко обнимая,
Они забыли всё на свете:
Гостей, вино и Менелая,
Лежал который в лазарете.

Парис гостям всем нагрубил,
Сказал, что любит Власть – и точка,
А Власть саму уговорил,
Когда наступит в Спарте ночь,
Сбежать по морю тайно в Трою.
Что им преграды и моря?
Он её шептал: «Ты, Власть, моя!
Тебе я в Трое быт устрою.

Ты попадёшь как будто в рай,
Тебя уже он в Трое ждёт,
А мужёнок твой Менелай
Без власти в Спарте пусть живёт.

Пойдёт качок опять сражаться,
Кого-то станет побеждать,
И даже очень может статься,
Герой твой женится опять,

Хотя ещё жив мой отец,
Под сотню лет уж старику».
«Ну, не горюй, – шепнула Власть, —
Он не жилец, я с ним решу.

Папаша скоро твой загнётся,

Чтоб трон тебе освободить,
Но если сам он отречётся,
Сможет на пенсии пожить».

Побег из Спарты

Они бежали в темноте
Тайком, без шума и без плана,
Но с рюкзаками на спине,
И каждый нёс два чемодана.

Власть хоть кряхтела, но терпела
И не роптала на судьбу,
Ведь из дворца она сумела
Стащить всю царскую казну.

Шептала Власть: «Парис, тебе
Скажу, что знает белый свет:
Без денег власти просто нет,
Власть умирает в нищете».

Царь Спарты лазарет покинул,
И очень быстро понял он,
Как нагло, грубо его кинул
Из Трои шустренький пижон.

Нет для царей страшной напасти,
Чем власть по дури потерять,
Ведь Менелая счас без Власти
Мог даже раб к чертям послать.

Рабы и слуги обнаглели,
Без Власти очень осмелели,
Им крикнет царь: «Хочу вина!» —
Несут кувшин, а в нём вода.

И так повсюду униженье,
К тому ж неверности рога,
Даст утешенье только мщенье,
Нужна с троянцами война,

Чтобы вернуть свою жену
И Трою строго наказать,
Жаль, нет причин начать войну.
Не из-за бабы ж воевать?

Вот в Трою беглецы приплыли,
Вокруг неё была стена,
Ворота к морю выходили,

За ними их ждала толпа.

Она царевича встречала
Весельем, шумом, криком «бис!».
Толпа и пела, и плясала:
Так вот он, вот он, их Парис.
Все веселились, были рады
На них нахлынувшему счастью
Другой награды и не надо —
Парис вернулся ведь, и с Властью.

Власть девка рослая была,
На каблуках под метра два.
Её в повозке ко дворцу
Ослы тащили, чтоб отцу

Царю Приаму показать,
Но не могли троянцы знать,
Кого ослы к царю везли,
Узнав, они б с ума сошли.

Над Троей ворон пролетал,
И жрец из храма Аполлона
Троянцам гибель предсказал,
И смерть царя, и гибель трона.

Где раньше пили на троих

Трою как город заложили
Даже не вспомнить и когда,
Известно только, что решили
На месте том попить вина

Каких-то три весёлых грека,
Потом другие пить там стали
Всегда втроём, и с того века
То место Троей обозвали.

Шло время. Место освятили
И там же город заложили,
Сто тыщ рабов туда согнали
И быстро строить город стали.

Рос город вширь и в высоту
И вскоре принял вид столичный,
Лицей построили, тюрьму,
Музей, театр, дом публичный.

И кабаки пооткрывали,
Их люди Трои обожали,
Предпочитая вместо книг,
Как прежде, выпить на троих.

Троянцы как все греки жили:
Чтили богов и прославляли,
Работать только не любили,
Труд всей душою презирали.
Лишь где услышат слово «труд»,
Оттуда сразу же бегут
И, поминая труд как зло,
Садятся сразу пить вино.

Это великая наука —
Жить без забот и без труда,
С ума сведёт пусть лучше скука,
Чем лом, лопата иль кирка.

Вот так, себя не утруждая,
Троя жила, труд презирая
И с убеждением, что должны
Пахать лишь лохи да рабы.

А Троей правил много лет
Больной и старый царь Приам.
Полуслепой, чуть видел свет,
Передвигался, правда, сам.

Он справедливый был владыка,
Простой народ не обижал,
Он сам хлебнул по жизни лиха
И часто людям помогал.
Людей на улице толпа
Общались часто с ним учтиво:
«Привет, Приамыч, как дела?» —
Он отвечал им очень мило:

«Всё хорошо, незыблем трон,
Никто на власть не покушался,
Только царевич-мудозвон
Совсем по бабам истаскался».

Плоды безумного везенья

Парис царю был не родной,
Он рос воришкой и шпаной,
Он даже грамоты не знал,
Но что хотел, от жизни брал.

Парис однажды вместе с другом
На сельском рынке промышляли,
Мешок стащить хотели с луком,
Но вот Париса задержали,

К битью кнутом приговорили,
Чтоб выдал он, с кем в деле был.
Полдня его нещадно били,
Но он молчание хранил.

Царь видел это избиенье,
Когда в карете проезжал.
За силу духа и терпенье
Воришку он зауважал.

Если своих он не сдаёт,
То может верным стать царю,
Ведь царь уж стар, один живёт,
И кто наследует ему?

Тогда царь сделал вывод ложный,
Не смог опасность распознать,
Ведь с виду был Парис надёжный,
Царю мог даже сыном стать.

Но в жизни был Парис другой
И очень часто предавал,
А под кнутом тогда молчал —
Так просто был под наркотой.

И парня взяли во дворец,
Приам хоть пил, но не был вредным,
Он стал Парису как отец
И принцем объявил наследным.
Смешно, обидно, но не скроем,
Что царь шпану усыновил.
Он глупость эту совершил,
Когда он пил вино запоем.

Царь лишь сказал, а сын уж тут,
Привёз жопастую бабищу.
И где таких только берут?
Их ведь всего одна на тыщу.

Приам бабёнку ту потрогал,
По телесам рукой провёл
И вдруг заплакал и заохал:
«Да ты кого, Парис, привёл?

Афина, умная Паллада,
Тебе неужто не сказала,
Что эта под два метра баба
Спарту капризами достала?

Царь Менелай многоходовку
Задумал с Троей разыграть
И эту бабу-шалашовку
С тобой сюда сумел заслать,
Чтоб нас унижить наконец,
Троянцев сделать дураками». —
«Да это Власть, уймись, отец, —
Парис в сердцах всплеснул руками. —

Пойми, отец, люблю я Власть,
Меня Власть тоже полюбила,
Она, ко мне питая страсть,
Казну спартанскую стащила,

А в той казне, отец, пойми,
Валюта сплошь, не медяки,
С таким активом мы тем паче
Будем других царей богаче».

В конце Парис смог убедить
Отца в своей любовной страсти,
Что он не может жить без Власти
И будет Власть всегда любить.

И жизнь семейная пошла,
Власть, как Парису обещала,
Приама быстро извела
И в мир к Аиду отослала.
Приаму стал не нужен трон,
И его в лодке дед Харон
Чрез речку Лету переправил
И среди мёртвых душ оставил.

Ну а Парис надел корону,
Принёс присягу Трое, трону,
Поклялся все законы чтить,
В конце решил же уточнить,

Что, голодранцем в мир пришедший,
Залез законно он на трон,
Но есть нюанс: он сумасшедший
И смысла здорового лишён.

К тому же курит он и пьёт,
А выпив, сразу в драку лезет,
И книги в руки не берёт,
А слово «совесть» его бесит.

Хотя всё это ерунда,
Он царь в одеждах дорогих,
Пусть раньше вор был и шпана,
А счас пацан всего достиг,

На троне он, и Власть при нём,
Она женою его стала,
И Власть теперь живёт с царём,
К другому только б не сбежала.

На царстве

Вот, наконец, пришла пора;
Парис страной стал управлять,
И каждый день уже с утра
Тянулась в спальню к нему знать,

Чтоб поприветствовать царя,
Узнать, как он с царицей спал
И что за важные дела
Царь своим слугам поручал.

А сам Парис за кадры взялся,
Людей ему во власть искали,
Если дебил где попадался,
Министром сразу назначали.

Потом Парис указ издал,
Где очень строго приказал,
Чтобы улучшить аппарат,
Всех дураков брать сразу в штат.

Он в том указе изложил,
Кто был ему на службе нужен:
Во-первых, глуп кто и контужен,
А во-вторых – царя любил.

Парис звёзд с неба не хватал,
Но он при глупости своей
Умишком слабым понимал,
Что должен быть слуга глупей.

Так вертикаль царь заложил,
В ней смысл власти воплощался —
Он наверху, а кто дебил,
Всегда под ним располагался.

Власть, как жена, сопровождала
Париса всюду и всегда,
Советы без конца давала,
Что ему делать и когда,

Как ему царствовать и жить,
Что в Трое надо запретить,
Кого казнить, кого сослать,
Короче, власть как показать.

Он, утолив, бывало, страсть,
Потом в постели груши кушал
И с ртом набитым лёжа слушал
Советы, что давала Власть:

Не чавкать громко за столом,
Не вытирать нос рукавом,
Всегда роскошно одеваться
И царским видом выделяться,

А чтоб народ свой убедить,
Что не дурак сидит на троне,
То о Сократе и Платоне
Почаще надо говорить.

И скажет кто: «Гомер – поэт!» —
Не отвечать: «Такого нет»,
Надо кивнуть лишь головой:
«Ну как же, знаю, есть такой».

Но чтобы трона не лишиться,
То надо старость победить,
Как шлюха, вечно молодиться
И витаминов больше пить,
Вином холодным обливаться,
От пола чаще отжиматься,
Даже со штангой приседать
Ну и, конечно, меньше жрать.

И будешь ты, как клоп, живучий,
Непобедимый, словно зло,
Цветущий, толстый и могучий,
Способен будешь ты на всё.

Он своей Власти подчинялся,
Ей никогда не возражал,
Казнил, сажал и запрещал,
Из кожи лез, так он старался.

Если какой-то демократ
Людей ораторством смущал,
К нему бежал отряд солдат
И по рукам-ногам вязал.

Всех недовольных страшно били,
Кто поопасней – тех казнили,
А ни за что кто попадался,
Из Трои просто выселялся.

Власть громко хлопала в ладоши
И с видом мудрого всезнайки
Всем говорила: «Царь хороший!
Вон закрутить сумел как гайки!»

Плохая штука ДНК,
Природа явно дурака
Сумела с Властью обручить,
На трон на царский посадить.

Себя любил царь восхвалять,
Но новая возникла страсть:
Троянский царь стал воровать,
И помогала в этом Власть.

Разворовал он всю казну,
Довёл до ручки всю страну,
И были все ему должны,
Даже холопы и рабы.

А крошки с барского стола
Парис кидал придворной швали,
Что в его властной вертикали
Ему служанкою была.
Так, за объедки под столом,
Жизнь без закона с воровством,
На Власть и на царя молились,
И холуи везде плодились.

Достойным в обществе мужам
Пришло желанье прятать гордость,
В жизни везло лишь холуям
За их безликость и покорность.

Однажды важный господин
Приехал в Трою из Афин,
И он был очень удивлён,
Как мир троянский заражён

Болезнью чинопочитанья
И перед властью пресмыканья,
Дворец же царский был похож
На выставку покорных рож.

Вокруг стоял и крик, и вой,
Что царь Парис у них святой,
Повсюду царские портреты,
С плешивым профилем монеты

И статуи царя рядами
Сплошь в образе богатыря
«Как же богата холуями, —
Подумал гость, — эта земля».

Богов народ троянский чтит
Без исключения всех подряд.
В их честь он жертвы приносил,
Был поплясать у храмов рад,

И выбирал мужей и дев,
Кто красивей, умнее были,
Чтобы, на них все посмотрев,
Сильнее Трою полюбили.

Их в главном храме собирали,
Где они в праздник каждый раз
На радость всех холуйских масс
Царёву жопу целовали.

И это задоцелованье
Считалось в Трое за признание
Власти царя и его трона,
А также бога Аполлона.
И Власть в конце концов ввела
С обрядом целованья жопы
Всеобщий праздник холуя,
Чтоб показать могли холопы

Царю Парису в полной мере,
Как любят власть его на деле
И что доставить ему радость
Рабам с холопами не в тягость.

Парис давно уж Троей правил,
Довольный, сытый и с деньгами,
Народ его любил и славил
И даже сравнивал с богами.

Мордашка круглая сияла,
Свиные глазки хлоп да хлоп,
Его врагов давно не стало,
Кто сел в тюрьму, а кто лёг в гроб.

Чтоб пропиариться в народе,
Людей на площадь он сгонял
И там часами о свободе

С трибуны нудно верещал.
Над здоровым смыслом издевался,
Свободным называл раба,
А самым умным – дурака,
Толпе понравиться старался.

И холуи им восхищались,
На площадь первыми сбегались
И там кричали, что народу
Парис дал веру и свободу.

А дальше – больше. Они стоя
Словно молитву повторяли,
Что царь Парис и есть вся Троя,
И снова богом называли.

Толстяк плешивый млел от счастья,
Что люди так ему верны,
Ведь лучше нет для самовластья,
Чем крик «Ура!» тупой толпы.

Парис частенько отлучался,
Чтобы соседей посетить,
В Афинах, Фивах появлялся
И там царей их стал учить,
Как надо жить, как надо править,
Его, Париса, уважать,
Попытки жалкие оставить
Великой Трое угрожать.

Ругался бранными словами
И обвинял Элладу всю,
Что стали все ему врагами,
Готовят тайно с ним войну.

Цари другие обомлели,
Кто-то воскликнул: «Во дела!
Троянцу что, на самом деле
В будущем видится война?»

Да он так Грецию погубит,
Наверно, он маньяк и псих,
Себя Парис, как видно, любит,
Но ненавидит всех других.

Мы за собрата его держим,
Всегда деньгами помогаем,
Как шлюху столько лет содержим,

Даже песок его скупаем,
Что он берёт на своём пляже,
За счёт чего и выживает,
Других товаров нет в продаже.
Он ничего не выпускает,

Только гоняет подневольных,
Казнит, сажает недовольных,
У нас же пить и есть он просит,
Гробы и те как импорт ввозит.

Ремёсла он не развивал,
Хозяйство сельское сгубил,
Народ бездельничал и пил,
А он всё врал, и врал, и врал.

Всё царство восхвалял своё,
Кричал, что в Трое хорошо,
Троянцы всех сильнее стали
И даже Рим сам обогнали,

А Рим был Трое первый враг,
Его троянцы не любили,
Он вызывал в троянцах страх,
Для них одни враги там жили.

Рим конкурентом Трое был,
На Власть Париса посягал,
Её как девку соблазнял,
А Власть свою Парис любил».

Зигзаги пагубной любви

Власть, как любимая жена,
Имела в Трое все права,
Могла любой вопрос решить,
Даже кому и сколько жить.

Ну а вот телом потолстела,
Обрюзгла очень, поседела
И пристрастилася к винцу,
А выпив, шлялась по дворцу

В давно не стиранном халате,
Что не сходился на груди,
В не снятых с ночи бигуди,
И слух за ней тащился сзади.

Слух этот кто-то распустил
В покоях царского дворца,
Будто жену царь разлюбил,
Что постарела, мол, она,

И царь стал редко с нею спать,
А раз вниманьем обделяет,
Значит, любовь надо спасать.
Власть без любви к ней умирает.

«Он столько лет уж Троей правит,
Поди приелось всё ему,
Пусть где ещё себя проявит, —
Решила Власть. – Пусть хоть войну

Где-то развяжет, кровь прольётся,
И он в героя поиграет,
Вот так Парис и развлечётся,
Меня он снова возжелает.

Пусть власть проявит в ратном деле,
Потом уже со мной в постели,
Короче, всех пусть победит
И власть над миром утвердит».

Наевшись бубликов с повидлом,
Власть после завтрака зашла
К царю Парису: «Как дела?
Не надоело править быдлом?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.